

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ: АНТОЛОГИЯ, ТОМ III

Эдвард Саид: Ориентализм

Цель: ознакомиться с новой трактовкой дискурса «ориентализм», предложенной Эдвардом Саидом, его аргументацией ограниченности взгляда Запада на Восток, обусловленной тенденциозным подходом к оценке «таинственного Востока».

Ключевые слова: ориентализм, Восток, Запад, дискурс, колония, империя, культура, власть, художественное творчество, стереотипы.

Мы начинаем знакомиться с авторами, представленными в антологии американских ученых Джулии Ривкин и Майкла Райана «Теория литературы». И сегодня будем говорить о книге «Ориентализм», опубликованной палестинским ученым Эдвардом Саидом в 1977 году. Эта публикация способствовала появлению новой области в «постколониальных» исследованиях.

Э. Саид изложил интенции, возникшие в имперских странах, пытавшихся объяснить себе миры, которые они колонизировали. По словам Саида, изучение Востока было способом не только узаконить имперские захваты, но и упростить управление колониями. Колонизированные народы воспринимались в рамках стереотипов, которые делали захваченные страны и их культуры более доступными для имперского понимания. Это схематичное, ограниченное восприятие лишало колонизированные народы собственного мнения, прав человека и права на распоряжение судьбой своей страны и нации.

Проблемная ориенталистика

Образ Востока, утверждает Э. Саид, – это почти всецело европейское изобретение. Со времен античности он был вместилищем романтики, экзотического мира, фантастических ландшафтов и поразительных переживаний. Казалось совершенно неуместным, что у восточных людей может быть собственный взгляд на свой мир, отличный от восприятия западного человека, колонизатора или восторженного поэта. Главным для приезжего из Европы было его собственное, европейское представление о Востоке и его нынешней судьбе, причем и для тех, кто писал, и для тех, кто читал о Востоке, это коллективное представление имело особый смысл.

У американцев Восток не вызывает такого отношения, поскольку для них Восток, прежде всего, ассоциируется с Дальним Востоком (преимущественно с Китаем и Японией). В отличие от американцев, французы и англичане, и в меньшей степени немцы, русские, испанцы, португальцы, итальянцы и швейцарцы имеют давнюю традицию того, что Э. Саид называет ориентализмом, т. е. определенным способом общения с Востоком, основанном на особом месте Востока в опыте Западной Европы.

Восток не только примыкает к Европе, Восток – это место расположения ее самых больших, самых богатых и самых старых колоний, это исток европейских языков и цивилизаций, ее культурный соперник, а также один из наиболее глубоких и повторяющихся образов Другого. Кроме того, Восток помог Европе (или Западу) определить по принципу контраста свой собственный образ, идею, личность, опыт. Восток – это неотъемлемая часть европейской материальной цивилизации и культуры. Ориентализм выражает и репрезентирует эту часть культурно и даже идеологически как вид дискурса с соответствующими ему институтами, словарем, научной традицией, образным рядом, доктринами и даже колониальными бюрократиями и колониальным стилем.

Под ориентализмом Э. Саид имеет в виду несколько вещей. Наиболее простое обозначение ориентализма является уже академическим, и, действительно, этот ярлык все еще используется в некоторых академических институтах. Всякий, кто преподает дисциплины, связанные с Востоком, пишет о нем или исследует его, – а это относится к антропологам, социологам, историкам и филологам, – оказывается ориенталистом, а то, чем он занимается, – это и есть ориентализм. Сегодня специалисты предпочитают ему термины «Восточные исследования» или «Страноведение», потому что термин «ориентализм» слишком расплывчатый и общий, и он, по сути, означает управленческую ориентацию европейского колониализма 19 и начала 20 веков. Тем не менее, о Востоке пишут книги и проводят конгрессы, где ориенталисты нового и старого образца выступают в качестве главных авторитетов. Дело в том, что даже если его

нет в прежнем виде, ориентализм продолжает жить в академической среде, в доктринах и диссертациях о Востоке и людях Востока.

Помимо данной академической традиции термин «ориентализм» рассматривается и в более широком понимании. Это стиль мышления, основанный на онтологическом и эпистемологическом различии Востока и Запада. Значительная часть авторов, в числе которых поэты, писатели, философы, политологи, экономисты, имперские администраторы, усвоила это базовое различие Востока и Запада в качестве отправной точки своих теорий, стихотворений, романов, социальных описаний и политических расчетов в отношении Востока, его народов, обычаев, ментальности, судьбы и так далее. Такое понимание ориентализма вмещает в себя размышления Эсхила и В. Гюго, Данте и К. Маркса. Взаимообмен между академическим и более или менее творческими вариантами понимания ориентализма не прекращается, и с конца 18 века он принимает значительные размеры.

Третье понимание ориентализма, продолжает Э. Саид, несколько более определенно в историческом и материальном отношении, чем предыдущие два. Начиная примерно с конца 18 века, ориентализм можно считать корпоративным институтом, направленным на общение с Востоком – общение при помощи высказываемых о нем суждений, определенных санкционируемых взглядах, его описания и управления им. При этом такой ориентализм – это западный стиль доминирования, реструктурирования и осуществления власти над Востоком.

Для того чтобы определить ориентализм, Э. Саид предлагает обратиться к понятию дискурса Мишеля Фуко, изложенному им в работах «Археология знания» и «Надзирать и наказывать». Без исследования ориентализма в качестве дискурса невозможно понять систему, при помощи которой европейская цивилизация могла управлять Востоком политически, социологически, идеологически, военным и научным образом и даже творчески в период после эпохи Просвещения. Более того, ориентализм занимал столь авторитетные позиции, что все пишущие, думающие о Востоке, действующие там были ограничены рамками традиционного представления о нем. Коротко говоря, поясняет Э. Саид, из-за ориентализма Восток не был (и не является до сих пор) предметом свободного мышления и деятельности.

Цель Эдварда Саида при создании книги состояла в том, чтобы показать механизмы подобного восприятия Востока, а также то, что европейская культура выиграла в силе и определила свою идентичность во многом за счет того, что противопоставляла себя Востоку как своего рода суррогатному и даже своему тайному «я».

Взгляд Запада на Восток

В историческом и культурном отношении существует качественная и количественная разница между франко-британским участием в делах Востока и участием любой другой европейской и атлантической державы. Говорить об ориентализме – это значит говорить, прежде всего, о британском и французском проекте, затрагивающем столь различные сферы, как творческое изображение, библейские тексты и библейская география, торговля специями, колониальные армии и длительная традиция колониальной администрации, гигантский научный корпус: бесчисленные «эксперты» и «специалисты» по Востоку, профессура, сложный комплекс «восточных» идей (восточный деспотизм, роскошь, жестокость, чувственность), множество восточных сект, философий и премудростей, адаптированных для местных европейских нужд, – список можно продолжать бесконечно. Позиция Э. Саида состоит в том, что ориентализм проистекает из особой близости, существовавшей между Британией и Францией, с одной стороны, и Востоком – с другой, который вплоть до начала 19 века в действительности означал только Индию и библейские земли. Из этой близости исходит большая часть тех текстов, которые принято называть ориенталистскими.

Восток – это идея, имеющая историю и традицию мышления, образный ряд и свой собственный словарь, обусловившие их реальность и присутствие на Западе и для Запада. Таким образом, эти две географические сущности поддерживают и до определенной степени отражают друг друга.

Идеи, культуру и историю Востока невозможно понять без учета конфигурации власти. Отношение между Западом и Востоком – это отношение силы, господства, комплексной гегемонии. Восток подвергся «ориентализации» не только потому, что открылся его «ориентальный» характер во всех тех смыслах, которые считались общим местом в Европе середины 19 века, но также и потому, что его можно было сделать «ориентальным» (точнее, его вынудили быть таковым). Так, например, вряд ли можно согласиться с тем, что встреча Флобера с египетской куртизанкой создала стереотипную модель восточной женщины, которая никогда не говорит о себе, не показывает своих эмоций, не обозначает свое присутствие или не рассказывает о своей жизни. Флобер сам говорил за нее и представлял ее. Он иностранец, сравнительно хорошо обеспеченный мужчина, и эти исторические обстоятельства его доминирования позволили ему не только обладать Кучук Ханем физически, но и говорить за нее, и объяснить читателям, в каком смысле она была «типично восточной» женщиной. Этот пример, считает Э. Саид, символизирует схему распределения силы между Востоком и Западом и сам дискурс о Востоке.

Не следует думать, подчеркивает Э. Саид, будто содержанием ориентализма является нагромождение лжи, или что ориентализм – это миф, который рассыплется в прах, как только прозвучит правда. Э. Саид говорит, что ориентализм – это больше знак европейско-атлантической власти над Востоком, нежели правдивый дискурс о Востоке. Однако, как ученый, Э. Саид пытается понять эту поразительную устойчивость ориенталистского дискурса, его тесную связь с подкрепляющими его социо-экономическими и политическими институтами, его пугающую долговечность. Всякая система идей, которой удавалось оставаться неизменной и притом пригодной для передачи знаний (в академической среде, книгах, институтах внешней политики), должна быть чем-то более значительным, чем простым нагромождением лжи. А потому ориентализм – это не легкомысленная европейская фантазия о Востоке, но творчески созданный объект теории и практики, в которые на протяжении многих поколений шли значительные материальные инвестиции. Длительные инвестиции сделали ориентализм как систему знания о Востоке своеобразным фильтром, через который Восток проникал в западное сознание; те же инвестиции умножили и сделали действительно продуктивными высказывания, распространяющиеся из ориентализма в культуру в целом.

Именно гегемония или результат культурной гегемонии в действии придает ориентализму ту прочность и влияние, о которых было сказано ранее. Ориентализм никогда далеко не удаляется от того, что Денис Хэй назвал идеей Европы, коллективного понятия, определяющего европейцев в противоположность не европейцам. Э. Саид утверждает, что основным компонентом европейской культуры является именно то, что обеспечивало эту культурную гегемонию как внутри, так и вне Европы: идея европейской идентичности как превосходства над всеми другими неевропейскими народами и культурами. Вдобавок к существующей гегемонии европейских идей по поводу Востока вновь и вновь повторяемое утверждение о превосходстве Европы над восточной «отсталостью» не допускало возможности того, что некий независимый или скептически настроенный мыслитель может иметь другой взгляд по этому поводу.

Суть ориентализма и его развитие почти всегда зависели от этого позиционируемого превосходства, которое предоставляет западному человеку целый ряд моделей возможных отношений с Востоком, сохраняя при этом его верховенство. В конце эпохи Ренессанса в общем русле ориенталистики появился комплексный образ Востока, пригодный и для изучения в академической среде, и для экспозиции в музеях, для управления колониальной администрацией, для теоретической иллюстрации в антропологических, биологических, расовых и исторических источниках, для примеров в экономических и социологических теориях развития и т. д. Кроме того, продолжает Э. Саид, творческое исследование Востока основывалось более или менее исключительно на западном сознании, из неоспоримой центричности которого появился т. н. восточный мир: вначале в соответствии с общими идеями о том, кто такой восточный человек, затем в соответствии со скрупулезной тенденциозной логикой, направляемой не одной только эмпирической реальностью, но и стереотипами восприятия, репрессиями и инвестициями. Объективности ради Э. Саид называет и подлинно научные ориенталистские работы: это «Арабская хрестоматия» французского лингвиста и ориенталиста Сильвестра де Саси и «Сообщение о нравах и обычаях современных египтян» британского востоковеда Эдварда Уильяма Лэйна.

Э. Саид поднимает принципиальный вопрос: что важнее в ориентализме – опирающаяся на массив материала общая совокупность идей, без сомнения пропитанных идеями европейского превосходства, расизма, империализма, догматическими взглядами по поводу «восточного человека» как своего рода идеальной и неизменной абстракции, или куда более разнообразные исследования, осуществленные бесчисленными отдельными авторами, реально имевшими дело с Востоком. В определенном смысле обе эти альтернативы представляют собой два подхода к одному и тому же материалу.

Однако не существует ли опасности искажения, к которому всегда был склонен академический ориентализм, если систематически придерживаться либо слишком общего, либо слишком специфического уровня описания?

Политика и ориентализм

Э. Саид отмечает, что большая часть производимого на современном Западе знания (он имеет в виду, прежде всего, США) претендует на то, что оно носит неполитизированный, то есть научный, академический, непредвзятый характер и стоит выше партийных или других ограниченных доктринальных убеждений. Возможно, подобные утверждения можно принять в теории, но реальность оказывается куда более проблематичной. Еще никому не удавалось, подчеркивает Э. Саид, отделить ученого от обстоятельств его жизни, от его причастности (сознательной или бессознательной) к определенному классу и спектру убеждений. Это отражается и на его профессиональных занятиях.

Политическое общество, ссылаясь на Э. Саид на Антонио Грамши, простирается и на такие сферы гражданского общества, как академические исследования, и насыщает их политическими смыслами.

Поскольку Англия, Франция, а с недавних пор и Соединенные Штаты, являются имперскими державами, их политическое общество обуславливает гражданское общество там и тогда, когда речь идет об их имперских интересах за рубежом. Э. Саид утверждает, что академическое знание, например, об Индии или Египте, в той или иной мере испытывает влияние происходящих политических событий и отношений между названными странами.

Невозможно игнорировать или отрицать тот факт, что занимающийся исследованием Востока европеец или американец подходит к Востоку, прежде всего, как европеец или американец, и лишь затем как индивид. Это означает, что исследователь принадлежит к державе, имеющей определенные интересы на Востоке, и, что более важно, он принадлежит к той части света, которая имеет определенную историю вовлеченности в дела Востока чуть ли не со времен Гомера.

Вовсе не обязательно признавать тот факт, что политическая составляющая имела существенный смысл, например, для Флобера при написании романа «Салаambo» или для Гамильтона Гибба в ходе его работы над книгой «Современные тенденции в исламе». Дело в том, что слишком велика дистанция между политикой, этим крупным доминирующим фактором влияния, и деталями повседневной жизни, оказывающими влияние на процесс создания художественного или гуманитарного научного текста.

Европейские и американские интересы на Востоке всегда носили политический характер, но именно культура породила то, что делает Восток тем разнообразным и сложным явлением, каким он предстает в ориенталистике. Следовательно, ориентализм есть не только политическое образование или сфера, пассивно отражаемая культурой, гуманитарной наукой или различными институтами, не только громадное и хаотичное собрание текстов о Востоке и проявление «западного» империалистического заговора с целью держать «восточный» мир в подчинении. Это, подчеркивает Э. Саид, еще и влияние геополитического сознания на эстетические, гуманитарные, экономические, социологические, исторические и филологические тексты. Это разработка целого ряда «интересов», которые такими средствами, как гуманитарные открытия, филологические реконструкции, психологический анализ, ландшафтные и социологические описания, создают, поддерживают и распространяют это геополитическое сознание. Это не столько выражение, сколько определенная воля или интенция понимания, а в некоторых случаях – инструмент контроля и манипулирования.

Таким образом, заключает Э. Саид, ориентализм – это культурный и политический факт. Почти каждый писатель 18 века прекрасно сознавал факт существования империи: эта тема еще недостаточно исследована, но современный специалист по викторианской Англии не станет спорить, что либеральные авторы, такие как Д. С. Милль, Арнольд, Карлейл, Ньюмен, Маколей, Рескин, Д. Элиот и даже Диккенс имели определенные взгляды на расу и империализм, следы которых несложно отыскать в их произведениях. Поэтому Э. Саид рассматривает ориентализм как взаимообмен между отдельными авторами и политической повесткой, заданной тремя империями – Британской, Французской и Американской.

Э. Саид поднимает следующие вопросы: Какие еще типы интеллектуальных, эстетических, научных и культурных сил участвуют в создании такой имперской традиции, как ориентализм? Каким образом филология, лексикография, история, биология, политическая и экономическая теории, художественная проза и лирическая поэзия становятся на службу широкому империалистическому взгляду на ориентализм? Какие изменения и корректировки происходят в пределах ориентализма? Какова роль в этом контексте оригинальности, преемственности, индивидуальности? Каким образом ориентализм передается или воспроизводится от эпохи к эпохе? В общем, как следует относиться к культурному, историческому феномену ориентализма как сферы сознательной деятельности человека?

Отправной точкой размышлений Э. Саида стал британский, французский и американский опыт Востока, взятый как целое. Британия и Франция господствовали в восточном Средиземноморье примерно с конца 17 века. Э. Саид пытается разъяснить последующее развитие ориентализма в академической и литературной сфере, так как современные эксперты по Среднему Востоку все еще используют остатки ориенталистской интеллектуальной позиции Европы 19 века.

Именно эта своего рода интеллектуальная власть западной культуры над Востоком и должна быть предметом всякого описания ориентализма. В этой власти нет ничего таинственного. Это оформленная, распространенная и насаждаемая позиция; она инструментальна, убедительна, она обладает определенным статусом, она задает каноны вкуса и значимости, ее практически невозможно отделить от определенных идей, объявляемых истинными, и от традиций, восприятий и суждений, которые она формирует, передает и воспроизводит. Кроме всего прочего, власть может и даже должна быть подвергнута анализу. Все эти атрибуты власти присущи и ориентализму, поэтому часть исследования Э. Саида посвящена определению того места в ориентализме, которое занимают авторитет власти и личный авторитет.

Востоковедение без Востока

Основные методологические приемы изучения Э. Саидом власти составляют стратегическую позицию, которая является матрицей для описания авторской позиции в тексте. Всякий пишущий о Востоке автор исходит из некоего восточного прецедента, какого-то предшествующего знания о Востоке, к которому он обращается и на которое опирается. Кроме того, каждая работа о Востоке устанавливает отношения с другими произведениями, с аудиторией, с институтами, с самим Востоком.

Внимание Э. Саида к власти не означает анализа того, что скрыто в ориенталистском тексте. Напротив, он анализирует ту часть текста, которая в нем обусловлена не самим предметом описания, а существующими внешними влияниями и оценками этого предмета. Другими словами, того, что можно назвать тенденциозностью.

Ориентализм есть порождение внешнего взгляда, взгляда со стороны, из того факта, что ориенталист, будь то поэт или ученый, заставляет Восток говорить, описывает его, истолковывает его тайны понятным для Запада языком, упрощая и истолковывая по-своему то, что есть в Востоке «таинственного». Главным результатом этого тенденциозного взгляда со стороны (а не изнутри описываемого явления) является репрезентация. Э. Саид приводит пример: уже в драме Эсхила «Персы» Восток превращается из весьма далекого и зачастую опасного «Другого» в фигуры более привычные (у Эсхила, например, – в рыдающих азиатских

женщин). Драматическая непосредственность изображения в «Персах» скрывает от зрителя тот факт, что аудитория видит перед собой весьма искусственное воплощение того, что невосточный человек сделал символом Востока.

Подобные репрезентации являются лишь презентацией представлений автора о Востоке. Это в равной степени касается так называемых правдивых текстов (истории, филологического анализа, политических договоров), как и художественных (то есть откровенно творческих) текстов.

Еще один недостаток исследования предмета под влиянием сложившихся стереотипов вместо погружения в предмет заключается в следующем: то, что обычно передается из уст в уста, – это вовсе не «истина», а репрезентации. Едва ли нужно говорить о том, что язык представляет собой высокоорганизованную и кодированную систему, заключающую в себе множество способов выразить, показать, обменяться сообщениями и информацией, представить, то есть репрезентировать нечто. По крайней мере, в письменном языке отсутствует непосредственная презентация, – есть лишь репрезентация. А потому ценность, действенность, сила, кажущаяся достоверность письменного сообщения о Востоке лишь в небольшой степени связана с Востоком как таковым.

Таким образом, заключает Э. Саид, весь ориентализм в целом – вне Востока и без Востока. Именно такой ориентализм воспринят и устойчив на Западе во многом потому, что он больше обусловлен Западом, а вовсе не Востоком. Этот смысл непосредственно исходит из разнообразных западных методов репрезентации, которые делают Восток понятным для Запада. Эти репрезентации полагаются не на далекий и аморфный Восток, а на институты, традиции, правила поведения и общепринятые коды понимания и восприятия его Западом.

Различие между репрезентациями Востока, имевшимися до последней трети 18 века, и теми, которые появились позднее, состоит в существенном расширении масштаба репрезентаций. После египетской экспедиции Наполеона Европа стала подходить к Востоку более научным образом, относиться к нему с большим уважением и дисциплиной, чем когда-либо прежде. Родилась новая наука, позволявшая по-новому взглянуть на лингвистический Восток. Аналогичные изменения происходили и в литературе: Уильям Бекфорд, Байрон, Гете и Гюго своим творчеством реструктурировали Восток и представили его краски и людей сквозь призму собственных образов, ритмов и мотивов. Однако по-прежнему Восток лишь подталкивал художественное воображение авторов, но крайне редко подлинный Восток определял этот творческий импульс.

Ориентализм более соответствовал породившей его культуре, чем исследуемым объектам. История ориентализма обладает как внутренней связностью, так и четко артикулированным набором отношений с породившей ее господствующей культурой. Э. Саид исследует форму этого семантического поля и его внутреннюю организацию, его первопроходцев, авторитетных патриархов, канонические тексты, их последователей и новые авторитеты.

В связи с этим Э. Саид ставит важный вопрос: каким образом ориентализм осуществлял заимствования и формировался под воздействием «сильных» идей, учений и тенденций? Таким образом, были (и есть) лингвистический Восток, фрейдовский Восток, шпенглеровский Восток, дарвиновский Восток, расистский Восток и так далее. Однако никогда не было, утверждает Э. Саид, чистого и безусловного Востока; равным образом никогда не было нематериальной формы ориентализма.

Э. Саид подвергает рассмотрению не только научные работы, но и литературные труды, политические трактаты, тексты журналистов, путевые заметки, религиозные и филологические исследования. И в отличие от Мишеля Фуко, который уверен, что в целом индивидуальный текст или автор значат не так уж много, эмпирическим путем Э. Саид обнаружил то, что индивидуальность автора налагает свой отпечаток на анонимный коллективный корпус текстов, образующих то, что принято называть ориентализмом. Единство того большого перечня текстов, который Э. Саид подвергает анализу, обусловлено тем, что они нередко ссылаются друг на друга: ориентализм, помимо всего прочего, это еще и система цитирования работ и авторов, переноса сложившихся стереотипов о Востоке из одного текста в другой, из старого текста в новый.

Ткань столь плотного дискурса, как ориентализм, смогла сохраниться и продолжить функционирование в западном обществе, прежде всего, благодаря своему количеству и многообразию, и Э. Саид пытается описать некоторую часть текстов, составивших базу востоковедения.

Он утверждает, что следует изучить соотношение между ориентализмом и педагогикой, транслирующей и закрепляющей представление о Востоке. Ученый говорит об актуальности исследования взаимосвязи между гуманитарной наукой и художественной литературой, а также взаимообусловленности политических идей и академических дисциплин.

Открывая Восток заново

Возможно, подчеркивает Э. Саид, самая важная задача из всего названного – это осуществить исследование современных альтернатив ориентализму, выяснить, каким образом возможно изучение других культур и народов с нерепрессивной позиции. Он понимает, что при этом придется подвергнуть пересмотру весь комплекс проблем соотношения власти и знания. И в этом отношении труд Эдварда Саида «Ориентализм» есть вклад в эти исследования.

Для исследователей литературы и литературной критики ориентализм представляет удивительный образец взаимоотношений между обществом, историей и текстуральностью.

Для читателей так называемого «третьего мира» свое исследование Э. Саид позиционирует как шаг к пониманию силы западного культурного дискурса, силы, которую слишком часто ошибочно принимают за чисто декоративную.

Одна из задач, поставленных и решенных Э. Саидом, – это иллюстрация структуры и механизмов культурного доминирования, что особенно важно для тех народов, которые лишь недавно освободились от колониальной зависимости.

В университетах США растущий перечень программ и институтов страноведения сделал ориентализм частью национальной политики. Общественное сознание питает здоровый интерес американцев к Востоку, причем как к его стратегическому и экономическому значению, так и к его традиционной экзотике.

Э. Саид отмечает, что стереотипы, касающиеся Востока, получают определенное подкрепление. Телевидение, кино и все прочие медиаресурсы сводят всю информацию к более или менее стандартизованным форматам.

Связь знания и власти, порождающая образ «восточного человека» и в определенном смысле стирающая его как человеческое существо и превращающая его в носителя стереотипных характеристик, не может быть узко академическим вопросом, считает Э. Саид. Слишком часто литературу и культуру объявляют политически и исторически безвредными. Напротив, уверен Э. Саид, общество и литературу можно понять и необходимо изучать только в совокупности и их взаимной обусловленности.

В следующей лекции, в продолжение беседы о книге Эдварда Саида «Ориентализм», мы рассмотрим одну из глав его исследования – «Масштаб ориентализма», в которой ученый на примере колонизации Египта Великобританией размышляет о том, что в глазах колонизаторов служило оправданием их политики экспансии и как знание и культура укрепляли эту убежденность.

Вопросы для закрепления темы:

1. В чем суть трактовки Э. Саида термина «ориентализм»?
2. Как аргументирует Э. Саид свое мнение об ограниченности нынешнего ориентализма как области знаний?
3. В чем выражается, по мнению Э. Саида, тенденциозность подхода Запада в описании и оценке Востока?
4. Каковы пути развития современного ориентализма в США?

Литература:

1. Said Edward. Orientalism. – Pantheon, 1978.
2. Фуко Мишель. Археология знания. – СПб.: Гуманитарная Академия, 2004.
3. Фуко Мишель. Надзирать и наказывать. – Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М.: Ад Маргинем, 2015.
4. Raskin Jonah. The Mythology of Imperialism. – New York: Random House, 1971.
5. Kiernan V. G. The Lords of Human Kind: Black Man, Yellow Man, and White Man in an Age of Empire. – Boston: Little, Brown & Co, 1969.
6. Thornton A. P. The Imperial Idea and Its Enemies: A Study in British Power. – London: Macmillan & Co, 1959.
7. Fieldhouse D. K. The Colonial Empires: A Comparative Survey from the Eighteenth Century. – New York: Delacorte Press, 1967.